

А.С. Щетинина

Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.)¹

Вынужденные миграции современная наука определяет как переселения граждан под давлением факторов, выталкивающих человека с территории прежнего проживания, а не притягивающих на новое место [1, с. 57]. Как справедливо заметил П.М. Полян, массовые вынужденные, в том числе и принудительные миграции населения на российской территории начались с Первой мировой войны и с того времени стали «будничным инструментом внутренней политики» [2, с. 602]. При этом под принудительными миграциями П.М. Полян имеет в виду перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения [3, с. 11]. Понятие «принудительные миграции» можно охарактеризовать как составную часть вынужденных. Вынужденные миграции, как более широкое явление, включают в себя переселения граждан под воздействием не только распоряжений гражданской или военной администрации, но и под влиянием ряда других факторов. Помимо принудительных, П.М. Полян выделяет еще насильственные миграции (депортации) и добровольно-вынужденные, которые также можно включить в состав вынужденных миграций наравне с принудительными.

Принудительные, насильственные и добровольно-вынужденные миграции, по классификации П.М. Поляна, объединяет фактор принуждения со стороны государства. Различие же этих трех категорий вынужденных миграций заключается в разной степени принуждения, воздействия государства на перемещения значительного количества граждан. В случае с принудительными миграциями речь идет об угрозе применения силы со стороны государства при отказе выселяемого населения покинуть указанную территорию. Насильственные миграции, или депортации, отличаются от принудительных именно

непосредственным применением силы при переселении строго фиксированного контингента людей. И в первом, и во втором случае действия властей регламентируются специально разработанной для этого нормативно-правовой базой [2, с. 598–599]. Добровольно-вынужденные миграции не предусматривают никаких силовых мер для переселения людей, здесь речь идет об административном принуждении.

Таким образом, можно разделить вынужденные миграции на две основные группы. В первую группу входят перемещения населения, для которых главным выталкивающим фактором является государство. Во вторую – переселения, обусловленные неблагоприятными условиями в местах прежнего проживания (табл. 1).

Самодетельные вынужденные миграции проходят без непосредственного участия государства, оно не является главным выталкивающим фактором. Необходимость перемены места проживания связана в этом случае с неблагоприятными условиями – всевозможными катаклизмами и бедствиями. Таким условием может быть и государственная политика, но в данном случае она не направлена на «выживание» какой-либо категории населения, выталкивающим фактором является неспособность государства создавать благоприятные условия для жизни и тем самым удерживать население в пределах прежней оседлости. Решение о переселении принимают сами граждане без каких-либо преследований со стороны властей. Нормативно-правовая база регламентирует только условия принятия вынужденных мигрантов на новой территории, но не затрагивает вопросы их самовольного выезда с прежних мест проживания. Исключение составляют случаи, когда массовые самовольные перемещения граждан угрожают стабильности и безопасности государства. В этом случае оно берет на

Таблица 1

Классификация вынужденных миграций

Миграции, обусловленные государственным принуждением			Миграции, обусловленные влиянием неблагоприятных условий	
Принудительные (под угрозой применения силы)	Насильственные (при непосредственном применении силы)	Добровольно-вынужденные (административное принуждение без силовых воздействий)	Индивидуальные, самодетельные (без участия государства)	Организованные (государство помогает, но не принуждает)

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №05-01-01281а

себя заботу об организации переселений, оказывает помощь, но не принуждает (например организованная эвакуация или реэвакуация населения).

Приведенная классификация вынужденных миграций является условной, так как зачастую реальные вынужденные миграции могут сочетать в себе признаки разных видов, иногда происходит трансформация одного вида вынужденных миграций в другой. Кроме того, существуют и другие формы классификации вынужденных миграций и миграций в целом. Вынужденные и принудительные миграции могут классифицироваться как две отдельные категории [4, с. 69; 5, с. 14]. П.М. Полян на основе ряда признаков (национальный, социальный, конфессиональный и др.) выделяет отдельные группы внутри принудительных и добровольно-вынужденных миграций [3, с. 47]. Насильственные миграции (или депортации) он делит на депортационные кампании, которые составлены из депортационных операций по признаку контингента [2, с. 598–599, 760–770]. При этом П.М. Полян также обращает внимание на условность классификации.

Вынужденные миграции, как и миграции в целом, по своему характеру могут быть легальными и нелегальными; по территориальному признаку – внутренними или внешними; по временному признаку – постоянными (безвозвратными) и возвратными (временными) [6, с. 251].

Начиная с 1914–1915 гг. в России закладывалась основа многих видов массовых вынужденных миграций. Характерной чертой всех вынужденных миграций 1914–1920-х гг. является активное участие государства. Вынужденные миграции, обусловленные неблагоприятными условиями, постепенно приобретали оттенок государственного принуждения, что являлось отражением общей политики молодого советского государства. Процесс формирования миграций по принуждению государства, механизмов их осуществления и соответствующей законодательной базы продолжался до конца 1920-х гг., когда была провозглашена и вступила в действие политика ликвидации кулачества. К этому времени в разных регионах страны уже были опробованы такие способы переселения граждан, как депортация, военный и гражданский плен, эвакуация, реэвакуация и репатриация населения, административная и политическая ссылка и высылка, массовая мобилизация населения по трудовым призывам, выселение неугодного и опасного контингента (конфессий, национальностей, народностей и т.п.). Таким образом, можно утверждать, что к началу 1930-х гг. основные механизмы переселений граждан были запущены и отработаны, а сами вынужденные миграции получили дальнейшее развитие в сторону увеличения переселяемых контингентов и заселения ими новых территорий страны. Это отразилось и в терминологии: вместо терминов «миграция населе-

ния», «переселение» более употребительным стало понятие «перераспределение населения и трудовых ресурсов» [6, с. 251].

Первыми представителями вынужденных мигрантов на юге Западной Сибири стали беженцы времен Первой мировой войны и гражданские интернированные после 1917 г., также получившие статус беженцев. В 1920-е гг. категорию беженцев дополнили эвакуированные из губерний, пораженных голодом, а также беженцы Гражданской войны. Надо сказать, что до 1926 г. не существовало общепринятого международного определения понятия «беженец». В положении 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» таковыми признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств». Положение исключало из числа беженцев лиц, высланных из района военных действий под надзор полиции [7, с. 2]. Этих граждан называли вольнопленными, гражданскими пленными или интернированными. Несмотря на то, что после 1917 г. они получили статус беженцев, при проведении реэвакуации их часто регистрировали отдельно. В одной из инструкций по регистрации (1920 г.) гражданскими пленными назывались «иностранные граждане, взятые русскими войсками во время оккупации Галиции или Восточной Пруссии как пленные, но не солдаты» [8, л. 46]. Не всегда по прибытии на место поселения эти люди попадали под надзор полиции, в первое время их помещали вместе с военнопленными в лагерь.

В 1919 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, основываясь на положениях Декрета СНК «Об обязанностях Центропленбежа...» от 28 января 1919 г. [9, с. 327–329], считала беженцами:

- а) лиц, покинувших свое место жительства ввиду последовавшей или возможной эвакуации данной местности неприятельскими войсками;
- б) лиц, выселенных распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий;
- в) выходцев из государств, бывших во враждебных отношениях с Россией;
- г) бывших русских военнопленных и солдат демобилизованной армии, проживавших до войны в местностях, оккупированных на тот период неприятелем, если эти лица на указанный момент освобождены от военной службы.

Данные определения относились к Первой мировой и к Гражданской войнам [10, л. 34]. Таким образом, в 1919 г. за основу было взято определение 1915 г. с внесением в него дополнений, касающихся бывших русских военнопленных и солдат демобилизованной армии.

При заключении международных договоров об обмене пленными и беженцами стороны сами опре-

деляли, кого нужно считать беженцем или пленным и на основании каких критериев. Так, например, в 1920 г. в Русско-Латвийской конвенции о беженцах под понятие «беженец» попадали лица, «ранее проживавшие на территории одной из сторон, ныне находящиеся на территории другой», в эту группу, согласно конвенции, входили и пленные [11, д. 19, л. 1–4].

Впервые на международном уровне общее определение было сформулировано в мае 1926 г. в ходе Женевской конференции по проблемам русских и армянских беженцев при внесении изменений в Соглашение 1922 г. о выдаче удостоверений личности русским беженцам. В заключительном акте конференции беженцами признавались лица соответствующего национального или этнического происхождения, не пользующиеся защитой своего правительства и не получившие другого гражданства. При том, что конференции по проблемам беженцев проходили в рамках Лиги Наций, определение беженца не стало общепринятым, хотя и имело больший вес в международных актах, чем более ранние определения.

На юге Западной Сибири численность беженцев в 1915–1920-е гг. постоянно менялась. Во-первых, это было связано с тем, что беженцы прибывали так называемыми волнами (табл. 2).

Во-вторых, на данные о количестве беженцев влияли изменения административно-территориального деления в регионе. Так, в 1917 г. Томская губерния была разделена на несколько самостоятельных структур, в частности, из ее состава выделилась Алтайская губерния. Таким образом, до 1917 г. можно говорить о количестве беженцев применительно к Томской губернии как к более крупной административно-территориальной единице, после 1917 г. нами учитывались беженцы, размещенные в основном в пределах Алтайской губернии.

Вообще учет прибывающих в Сибирь беженцев на всех этапах вызывал немало трудностей. Первоначально главной проблемой было огромное и невиданное ранее количество беженцев, и местные власти

просто физически не успевали зарегистрировать всех прибывающих. До конца августа 1915 г. беженцы частично учитывались вместе с другими переселенцами. В конце августа 1915 г. Томск стал губернским распределительным пунктом для беженцев, оседавших в губернии на жительство, а также для проходящих через нее и следовавших далее на восток. Позднее эти функции отошли к Новониколаевску, так как этот город больше подходил для распределительного центра с точки зрения путей сообщения. Таким образом, работы по регистрации и учету беженцев стали носить систематический характер только с осени 1915 г.

На изменение численности беженцев, помимо непосредственного приезда или отъезда, влияют такие компоненты, как изменение статуса и естественный прирост или уменьшение количества беженцев (подробнее об этих и других факторах см.: [12, с. 208–212]). Изменение статуса происходило в случаях, когда беженцы вступали в брачные отношения с представителями местного населения, отказываясь от реэвакуации, либо меняли гражданство или подданство (в случае, если беженец не был российским подданным), тем самым эти лица исключались из числа беженцев. Увеличение числа беженцев за счет изменения статуса произошло после 1917 г., когда интернированные граждане получили статус беженцев.

Естественный прирост происходил за счет рождения детей, а уменьшение – в случаях смерти. Показатели смертности среди беженцев были очень высокими. Если обычная среднегодовая смертность в России в 1915–1916 гг. составляла 26,7 человек на тысячу у осевшего населения и 60 человек на тысячу среди переселенцев в пути, то для беженцев эти показатели составляли 42 и 162 человека соответственно [13, с. 20–21].

Зачастую не все из вышеуказанных факторов принимались во внимание или отражались документально при подсчете количества беженцев в 1915–1922 гг. Кроме того, не все беженцы регистрировались, так

Таблица 2

Основные этапы прибытия беженцев на юг Западной Сибири в 1915–1920-х гг.

Время прибытия	Основные события, вызвавшие волну беженцев	Прибывающий контингент, примерная численность
Первая волна: 1915 – весна 1916 г.	Первая мировая война	Эвакуированные и принудительно выселенные жители прифронтовых губерний Российской империи и оккупированных русской армией территорий – 35,8 тыс. чел.
Вторая волна: вторая половина 1917–1919 г.	Начало Гражданской войны, перенаселение европейской части России беженцами	Повторно эвакуированные беженцы Первой мировой войны; лица, ищущие убежище от событий Гражданской войны – около 100 тыс. чел.
Третья волна: конец 1920–1922 г.	Голод в центральных губерниях России	Жители Поволжья и других губерний России, пораженных голодом – 33,6 тыс. чел.

как сам факт регистрации первоначально подразумевал оказание материальной и социальной помощи регистрируемому лицу, а в 1920-х гг. – право на эвакуацию. Если беженцы не так остро нуждались в помощи или не желали возвращаться на родину, то они не спешили регистрироваться, особенно в 1920-х гг. Одной из причин этого было то, что среди беженцев стали искать потенциальных шпионов, вредителей и т.п., начались гонения по национальному признаку, особенно по отношению к беженцам польской и еврейской национальностей. Эти обстоятельства вынуждают говорить об условности и неполноте данных, приведенных в источниках по регистрации и учету беженцев.

В 1916 г., по данным регистрации, в Томской губернии проживало более 35,8 тыс. беженцев [14, с. III], однако это число не было окончательным, так как регистрация продолжалась. В 1918 г. в Алтайской губернии насчитывалось более 17,5 тыс. беженцев Первой мировой войны [15, л. 54], а количество беженцев Гражданской войны в выявленных нами источниках не отражено. В 1919 г. расписание движения беженцев, составленное для Алтайской губернии, предусматривало прием около 150 тыс. человек, в это число входили все беженцы Первой мировой и Гражданской войны [16, л. 1–2]. Среди них, по данным регистрации, более 21 тыс. человек составляли беженцы Первой мировой войны [11, д. 15, л. 20об.].

В 1921 г. стало набирать обороты прибытие так называемых голод-беженцев: всего в Сибирь за 1921–1922 гг. только организованно было переселено более 500 тыс. голодающих и еще примерно столько же переселялось «вне плана» [17, с. 29–30]. Алтайская губерния в 1921–1922 гг. являлась лидером по количеству беженцев из голодающих губерний, которых по подсчетам за 1922 г. оказалось 33626 человек [18, с. 66].

Всех беженцев, которые прибывали на юг Западной Сибири, невозможно отнести к одному виду вынужденных мигрантов. Беженцы Первой мировой войны в основном являются следствием вынужденных миграций, обусловленных неблагоприятными условиями. В данном случае выталкивающим фактором стала война. Если вести речь только о той части беженцев, которые сами бежали от боевых действий, то можно говорить о двух видах переселений: индивидуальных и организованных.

Лица, выселенные из района военных действий распоряжением военных или гражданских властей, вполне могут относиться и к принудительным мигрантам, и к депортируемым, и к добровольно-вынужденным переселенцам. Принудительными высылками и депортациями занимались и военные, и гражданские власти, что также вызывает трудности при определении численности этого контингента вынужденных мигрантов.

Принудительными и добровольно-вынужденными миграциями можно назвать выселение жителей из тех районов, которым наступление и оккупация противника пока только угрожала. Для того, чтобы не дать противнику воспользоваться людскими и материальными ресурсами, русское командование в июне 1915 г. распорядилось выслать всех проживавших на этих территориях мужчин от 18 до 50 лет вместе с семьями и имуществом (если выселяемые желали взять их с собой). Часть из них выселяли местные власти, угрожая применить силу в случае сопротивления. Люди воспринимали такие действия как наказания, репрессии и не понимали, за что [19, с. 53–54; 20, с. 188–189].

Депортациям, или насильственным переселениям, в 1914–1915 гг. подвергали так называемых потенциальных шпионов и вредителей – представителей враждебных национальностей, особенно евреев. Поводом считаться «неблагонадежным» могло быть распространение неблагоприятных для российского командования слухов, запугивание населения местью со стороны враждебных войск, подозрение в шпионаже [20, с. 192]. Выселяемых принудительным порядком направляли сразу в Сибирь под гласный или негласный надзор полиции, в отличие от ранее указанных контингентов, которых первоначально не выселяли далеко вглубь России.

Кроме того, существовала и практика взятия заложников, которых также принудительно выселяли в распоряжение военных администраций. Заложников брали, как правило, в стратегически важных местностях и в прифронтовых районах, переходивших из рук в руки. Большинство заложников составляли граждане еврейской национальности, которых чаще всего подозревали в шпионаже, вредительстве и доносах. В отличие от прочих беженцев, которыми в основном являлись крестьяне и малоквалифицированные рабочие, заложниками были представители интеллигенции, предпринимательства и органов местного самоуправления. Однако они среди всех беженцев и выселенцев составляли меньшинство.

Пытаясь решить проблемы перенаселения беженцами Центральной России и малоземелья в местах их прежнего проживания, российские власти предложили им переселиться в Сибирь, пообещав землю и работу. Многие беженцы добровольно согласились на эти условия.

Добровольная и организованная волна беженцев, которые следовали в Сибирь, надеясь получить землю и работу, началась летом 1915 г. Именно это время отмечено в источниках как первое массовое прибытие беженцев в Томскую губернию.

До лета 1915 г. принудительное выселение и депортации не носили массового характера, но после того, как русская армия вынуждена была оставлять противнику при отступлениях все большие террито-

рии, практика массового насильственного перемещения населения стала составной частью военной политики России [21, с. 66]. Таким образом, среди массы беженцев, хлынувших на юг Западной Сибири летом 1915 г., были и депортированные, и принудительно высланные, и добровольно-вынужденные, и, наконец, бежавшие «по своей воле».

Такой же разнообразный состав вынужденных миграций был характерен и для последующих этапов прибытия беженцев в Сибирские губернии. На втором этапе (вторая половина 1917–1919 гг.) продолжалось добровольное организованное переселение беженцев на сибирские земли. С началом Гражданской войны вновь возобновились индивидуальные, или самодеятельные, переселения бежавших от белого и красного террора. От царского правительства новая власть переняла практику взятия заложников и преследования «неблагонадежных» лиц.

В 1920-е гг. началась реэвакуация беженцев, которая также относится к вынужденным миграциям. Беженцы не могли до определенного времени самовольно возвращаться на родину. После того, как власти давали разрешение на реэвакуацию, беженцы исключительно организованным порядком отправлялись по домам. При этом реэвакуация проводилась выборочно, на основании национальности, социального положения и профессиональной принадлежности беженцев. Советское государство было заинтересовано в скорейшем возвращении на родину представителей крестьянства и неквалифицированных работников. С одной стороны, они были обузой для местных органов власти, так как большинство из них не могло прокормить себя и свои семьи; с другой стороны, именно эта часть беженцев оказалась наиболее восприимчивой к советской агитации и пропаганде.

Отправляя их на родину, государство планировало за счет этих беженцев распространять революционные идеи. Немногочисленную группу беженцев – представителей квалифицированной рабочей силы – старались задержать как можно дольше, так как их труд был необходим.

На юг Западной Сибири большая часть беженцев прибывала организованным порядком. Массовые индивидуальные, или самодеятельные, миграции без участия государства или общественных организаций были не характерны для дальних расстояний, т.е. для переселения из центра России в Сибирь. В случае реэвакуации речь шла только об организованных миграциях, так как самодеятельное перемещение было запрещено государством по политическим, экономическим и социальным причинам.

Таким образом, даже на начальном этапе вынужденные миграции в России характеризовались активным участием государства в массовых перемещениях граждан. Часть вынужденных переселений, вызванных неблагоприятными факторами (войной и голодом), практически сразу трансформировалась в принудительные, насильственные миграции и депортации. С массовым появлением беженцев государство стремилось размещать их таким образом, чтобы восполнить недостаток трудовых ресурсов, а также решить проблемы с земельным обеспечением крестьян в Центральной России. В дальнейшем эти принципы были учтены в экономической политике страны. С 1930-х гг. перераспределение трудовых ресурсов наравне с переселением граждан для освоения новых территорий стало неотъемлемой частью экономического развития. Такие миграции инициировались государством, и большая их часть носила вынужденный, принудительный характер.

Библиографический список

1. Миграция и безопасность в России. – М., 2000.
2. Полян, П.М. «Проба пера»: первые советские депортации (1918–1925) / П.М. Полян // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М., 2005.
3. Полян, П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М., 2001.
4. Народонаселение : энциклопедический словарь. – М., 1994.
5. Дмитриенко, Т. Чегодан. Вокзал. Россия / Т. Дмитриенко, М. Угловой, А. Муравлев // Свободный курс. – 1999. – №18.
6. Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д.И. Валентей и др. – М., 1985.
7. Законы и распоряжения о беженцах. – Вып. 1. – 2-е изд., доп. – М., 1916.
8. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. Р-209. – Оп. 1. – Д. 8.
9. Декреты советской власти (10.11.1918–31.03.1919 гг.). – М., 1968. – Т. IV.
10. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 2.
11. ЦХАФ АК. – Ф. Р-706. – Оп.1.
12. Билсборроу, Р.Е. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных / Р.Е. Билсборроу, Х. Грэм, А.С. Обераи, Злотник Ханя. – М., 1999.
13. Томская губерния : статистический очерк / сост. В.Я. Нагнибеда. – Томск, 1917.
14. Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их. Издание Томского Губернского Отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – Вып. 1. – Томск, 1916.
15. ЦХАФ АК. – Ф. Д-233. – Оп. 6. – Д. 19.
16. ЦХАФ АК. – Ф. Д-224. – Оп. 1. – Д. 201.
17. Нам, И.В. Беженцы / И.В. Нам // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2004.
18. Сопов. «Сибпомгол» (к итогам работы) // Жизнь Сибири. – 1922. – №3.

19. Беженцы и высленцы. – М., 1915.
20. Бахтурина, А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / А.Ю. Бахтурина. – М., 2000.
21. Нелипович, С.Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника. Интернирование части жителей Восточной Пруссии, Галиции и Буковины в 1914–1915 гг. / С.Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. – 2000. – №2.